

копа, а жители Клерво пользовались не только жилищем епископа, но через него и всем городом Шатоном. Даже больше, под влиянием епископа вся страна Реймса и вся Галлия прониклись уважением к Божьему человеку. Все научились у знаменитого епископа принимать и почитать Бернарда как ангела Божьего: этот муж, пользовавшийся столь великим влиянием и полюбивший с такой силой неизвестного и уничиженного монаха, казалось, провидел пребывающую на нем благодать.

Несколько времени спустя, когда болезнь аббата усилилась до того, что ожидали только его смерти или жизни худшей всякой смерти, епископ решил навестить его. Взглянув на него, епископ сказал, что он имеет надежду сохранить не только его жизнь, но и здоровье, если он отдастся на его волю и согласится, чтобы были приняты меры, сообразные с характером его болезни; но Бернарда трудно было склонить отказаться от обычной суровости жизни. Епископ отправился в капитул монастыря Клерво и там в присутствии собравшихся аббатов распросился всем телом на земле, просил и получил согласие на то, чтобы Бернард был отдан ему в течение одного года на послушание. Действительно, можно ли было отказать столь могущественному человеку, который просил с таким великим уничижением? Возвратившись в Клерво, он приказал построить Бернарду отдельный домик вне монастыря и его стен, предписав не соблюдать ни в чем правил устава относительно нищеты, питья и других предметов, избавить от всех забот по дому и предоставить жить по установленному им порядку.

В это самое время и я начал посещать Клерво и Бернарда. Отправившись с другим аббатом, я нашел его живущим в своей келье так, как живут прокаженные на общественных перекрестках. По приказанию епископа и аббатов, как говорили, он был освобожден от всех внешних и внутренних забот о доме, и, вполне предоставленный Богу и самому себе, казался восхищенным утехами рая. Вступив в это царственное жилище — так я смотрел на эту келью и на ее обитателя — князю Господом, я почув-

ствовал то благоговение, которым проникаются, приближаясь к алтарю Бога. Стоя около него, я почувствовал такое восхищение, такую страсть к тому, чтобы разделить с ним его бедность и простоту, что если бы в тот день мне было дано право выбора, я ничего не пожелал бы так, как остаться навсегда там и служить ему. Он принял нас обоих с радостью и на вопрос, как живет и что делает, отвечал со свойственной ему милой улыбкой: «Ничего, хорошо; я, которому до сих пор по воле Божьей повиновались разумные существа, подчинен теперь воле неразумного животного». Так отзывался он о том грубом, тщеславном и невежественном человеке, который хвалился вылечить его от болезни и в руки которого он был отдан по распоряжению епископа, аббатов и братии. Мы думали, что столь больной человек, бывший предметом великих забот, будет прилично обставлен, но, сев с ним за стол, мы почувствовали отвращение при виде яств, которые ему подавали по приказанию медиков, и до которых едва ли бы дотронулся здоровый человек, несмотря на все мучения голода; правило молчания с трудом удерживало нас от того, чтобы не выразить гнева и не разразиться ругательствами против медика, как безбожника и человекоубийцы. Но Бернард ел все без различия и находил хорошим; его чувства были извращены и вкус исчез, так что он едва распознавал яства. Действительно, известно, что он несколько дней подряд ел вместо масла сырую кровь, которую ему подавали по ошибке, или масло вместо воды, и с ним было много подобных приключений. Он говорил, что пахнет вкус в одной воде, ибо она освежает ему горло...

В ту пору в Клерво царствовал золотой век: там встречались люди добродетельные, некогда богатые и прославленные в миру, а ныне гордые своей бедностью во Христе, строившие храм Господень ценой собственной крови, пота и истомы в борьбе с голодом, жаждой, стужей, наготой, преследованиями, оскорблениями и всякого рода бедствиями и подготовлявшие таким образом для Клерво то довольство и мир, которыми ныне наслаждается этот дом. Живя не столько для себя, сколько для Христа и для